

ПРОНИКНУТЬ

В МЫСЛИ

ВТК

18+

Подлинная история
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ОХОТЫ
на жесточайшего
СЕРИЙНОГО УБИЙЦУ
из Уичито

PROFILING

ДЖОН ДУГЛАС

автор бестселлера
«УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ»

ДЖОННИ ДОДД

БОМБОРА

Profiling. Искусство вычислять преступников

Джон Дуглас

**Проникнуть в мысли
ВТК. Подлинная история
тридцатилетней охоты на
жесточайшего серийного
убийцу из Уичито**

«ЭКСМО»

2007

УДК 343.9
ББК 67.51

Дуглас Д.

Проникнуть в мысли ВТК. Подлинная история тридцатилетней охоты на жесточайшего серийного убийцу из Уичито / Д. Дуглас — «Эксмо», 2007 — (Profiling. Искусство вычислять преступников)

ISBN 978-5-04-169458-6

ВТК... Больше 30 лет человек под этим псевдонимом держал в страхе целый город. Он внезапно появлялся и так же внезапно исчезал, попутно играя в кошки-мышки с полицией, отправляя им издевательские самовлюбленные послания. К счастью, именно это качество его и погубило. Джон Дуглас — один из первых криминалистов-профайлеров, который занимался этим делом с самого начала. В своих книгах автор делится информацией о том, как устроены мозг и сознание убийц, чтобы развеять мифы вокруг них и дать возможность читателям защитить себя и окружающих от возможного появления новых жестоких преступников. В этой книге вы найдете: историю расследования преступлений ВТК; тонкости и нюансы судебного процесса над маньяком; эксклюзивное интервью с ВТК. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-04-169458-6

© Дуглас Д., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Акт 1	13
1	13
2	20
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джон Дуглас, Джонни Додд Проникнуть в мысли ВТК. Подлинная история тридцатилетней охоты на жесточайшего серийного убийцу из Уичито

John E. Douglas and Johnny Dodd

INSIDE THE MIND OF BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt
for the Notorious Wichita Serial Killer

Copyright © 2007 by Mindhunter Investigative Support, Inc.

This translation published under license with the original publisher John Wiley & Sons, Inc.

All rights reserved.

© Богданов С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Памяти моей матери, Долорес А. Дуглас (9.02.1919 – 4.03.2006).

*Маме и самой главной почитательнице моих талантов – с
любовью.*

Джон Дуглас

Моему отцу, человеку не множества слов, но множества книг.

Долгих лет чтения тебе.

Джонни Додд

Благодарности

Я в долгу перед героическими людьми, которые щедро делились со мной идеями и опытом – профессиональным, а во многих случаях и жизненным. В первую очередь это сотрудники и сотрудницы полицейского управления города Уичито и регионального офиса ФБР в штате Канзас, так долго, упорно и кропотливо работавшие над раскрытием дела ради того, чтобы правосудие свершилось. Наша благодарность им будет жить вечно. Спасибо!

Эта книга стала плодом коллективного труда и не увидела бы свет без помощи литературного агента Лизы Доусон, неустрашимого редактора Алана Ринзлера, моего личного юриста и хорошего друга Стива Марка и, разумеется, Джонни Додда, который на время нашей работы стал неотъемлемой частью моей жизни. Спасибо всем.

Наконец, хотел бы отдать должное маме, Долорес Дуглас, трагически погибшей в аварии в период создания этого произведения. Она была главнейшей почитательницей моих талантов и самой большой помощницей. Мне ее ужасно не хватает.

Джон Дуглас

Отдельное спасибо Лизе Доусон, лучшему агенту, которого только может желать несчастный бумагомаратель. Джону Дугласу за его долготерпение и доверие, с которым он позволил мне рассказать его историю. Алану Ринзлеру и его редакторской плетке-семихвостке (раны от нее почти затянулись). Крис Это Перебор Касароне – буквально за все. Кену Ландверу, Ларри Уэлчу и Берни Дровацки за их многостороннюю помощь. И всем, кто знал (или думал, что знал) Денниса Рейдера, за согласие поделиться своими рассказами.

Благодарный тост за Ивена и всю команду заведения Peet's на углу 14-й и Монтаны. Спасибо Биллу Охотнику На Оленей Лишаку и Алмазному Джо Брюггеману за их всегашнюю готовность выслушать и подставить плечо. Благодарю Рона Эриаса за его слова мудрой поддержки. Лиз Леонард, которая в очередной раз была абсолютно верна себе. Дайане за послабление в части домашних обязанностей и многое другое. Матери Антонии за молитвы и понимание. Другьям, на протяжении 14 месяцев внимавшим моим сетованиям и кошмарам. Джейми Ли за мастерское владение словом. Чэмпу Кларку, Оливеру Джонсу и Лоренцо Бенету за разрешение постоянно пользоваться их мозгами. Ти-Лю за доброжелательные советы и мастерство корректора. Джулии – за помощь в подборе каждого слова. Кристиану и Элле, моим солнечным лучикам, – не забывайте всегда выкладываться на все сто.

Джонни Додд

Предисловие

Все началось осенью 1974 года, когда, будучи сотрудником регионального офиса ФБР в Милуоки, я работал «по улице». Мне было 28, к тому моменту я уже три года трудился в Бюро. Однажды мы трепались с парой детективов убойного отдела полицейского управления, и кто-то из них вскользь упомянул серийного убийцу из канзасского города Уичито, называющего себя Душитель ВТК.

ВТК. Такое вот сокращение. И что значат эти буквы? Тогда я был не в курсе, но меня сразу будто током ударило: страшно захотелось узнать об упомянутом преступнике как можно больше. Я и представить не мог, как далеко заведет меня это желание и насколько тесно будет связана моя жизнь с поисками этого жестокого изворотливого маньяка.

Именно последнее делало поимку серийных убийц настолько трудным – ведь они крайне редко лишали жизни близких знакомых, их преступления часто выглядели лишенными каких-либо мотивов.

Молодым агентом ФБР я поставил перед собой цель выяснить, что движет этими гнусными безжалостными негодяями. Хотелось разобраться в том, как они видят окружающий мир, как совершают преступления, как выбирают жертв. Я сказал себе: «Если получу ответы на эти вопросы, в один прекрасный день у полиции всей страны появится возможность выявлять серийных убийц задолго до того, как они начнут оставлять за собой длинный кровавый след».

Так что тем же вечером в далеком 1974 году я засел в публичной библиотеке Милуоки, где нашлись несколько газет из Уичито. Прочитав все, что было написано о четверном убийстве в январе того же года, я выяснил, что аббревиатура ВТК означает «**В**яжи, **П**ытай, **У**бивай»¹. Придуманное прозвище полностью соответствовало почерку. Каким-то образом он умудрялся проникать в дома жертв, связывать их и пытаться примерно так же, как школьники мелких насекомых (иногда). Ему было все равно, кого лишать жизни – мужчин, женщин, детей.

В то время я был загружен до предела. Если не занимался расследованием ограблений банков, побегами из дому или похищениями людей, то сидел на занятиях в Висконсинском университете. Стремясь понять, что заставляет ВТК и ему подобных совершать столь чудовищные преступления, я поступил в магистратуру на отделение психологии.

Иногда не спал ночами, задаваясь одними и теми же вопросами: «Кто же этот чертов ВТК на самом деле? Что заставляет его творить то, что он творит? Что им движет?»

В то время в составе Академии ФБР в Куантико, штат Вирджиния, функционировал отдел бихевиористики (ОБ). Его сотрудники занимались в основном научной работой. Слово «профайлинг» еще не вошло в повседневный обиход работников следственных подразделений Бюро. Но я был уверен: это случится очень скоро. И пообещал себе, что по окончании магистратуры переведусь в ОБ и стану профессионально заниматься составлением психологических портретов серийных убийц.

В июне 1977-го я именно так и поступил. После специального отбора меня перевели в Академию ФБР на должность инструктора ОБ, и я сразу же начал преподавать тактику ведения переговоров об освобождении заложников и криминальную психологию. При этом я время от времени вспоминал про ВТК – мне было любопытно, поймали его или нет.

Как-то раз в марте 1978 года я работал в архиве и решил накопить побольше информации о нем.

Уже дважды, в октябре 1974-го и в феврале 1978-го, он отправлял в местные газеты издательские письма с подначками в адрес неспособной разоблачить его полиции.

---

¹ От англ. **Bind Torture Kill**. (Прим. пер.) Также известен, как СПУ (связывай, пытай, убивай) и Удав. (Прим. ред.)

В 1979 году я активно трудился по своей научной программе исследований серийного убийства. В ее рамках я провел углубленные опросы более чем трех десятков подобных преступников, включая таких известных, как Чарлз Мэнсон², Ричард Спек³, Джон Уэйн Гейси⁴ и Дэвид Берковиц (по прозвищу Сын Сэма)⁵. На счету каждого не менее трех жертв, и между своими преступлениями они обычно делали паузы, чтобы слегка успокоиться.

Именно в тот период жизни начался мой путь к пониманию мотивов людей, получающих явное удовольствие от причинения невыносимых страданий незнакомцам.

Осенью 1979 года в моем кабинете, располагавшемся в подвале библиотеки Академии ФБР, раздался телефонный звонок. На другом конце провода был детектив убойного отдела полицейского управления Уичито.

– Я кое-что слышал о том, чем вы там у себя занимаетесь, и подумал, что вы, наверное, сможете помочь нам с одним делом, – начал он.

– Рассказывайте, – ответил я.

– Тут у нас серийный убийца. Проходит под кличкой ВТК. Что-нибудь слышали о таком?

– Только по газетам.

В течение нескольких минут он рассказывал о преступлениях ВТК и перипетиях расследования, вновь и вновь возвращаясь к мысли, что полиция будет рада получить от ОБ любую помощь.

– Выделю вам день, если сможете к нам приехать. Привезите ваши наработки. Пройдемся по ним, и я составлю для вас аналитическую записку, – предложил я.

Спустя неделю в Куантико прибыл лейтенант Берни Дровацки из полиции Уичито. Мы устроились в тихом уголке библиотеки, и он разложил передо мной привезенные фотографии с мест преступлений.

– Давайте пойдём по порядку, от первого убийства. Единственное условие – ничего не говорите о том, кого рассматриваете в качестве потенциальных подозреваемых.

Умудренный опытом коп хмуро ответил вполголоса:

– Да у нас вообще нет подозреваемых.

Дровацки молча наблюдал за тем, как я перелистываю наводящие ужас фото. Факт, что он приехал издалека, говорил об одном: полицейское управление Уичито отчаянно нуждается в любой помощи.

– Раньше мы ни с чем подобным не сталкивались. У себя в городе мы обычно раскрываем все убийства, – произнес он.

В то время мы с коллегами старались получать ответы с помощью формулы «Почему + Как = Кто». Я считал: она может помочь следователям в раскрытии таких обескураживающе трудных дел.

Нас интересовало множество моментов. По какой причине кому-то может понадобиться убивать людей на протяжении дней, месяцев или, как в случае ВТК, лет? Почему выбирается определенный тип жертв? Как подготавливаются преступления? Какое воздействие они оказывают на тех, кто их совершает?

Это прирожденные убийцы? А может, они обратились к насилию из-за искорежившей их детство психологической травмы? Или стремление убивать обусловлено обоими факторами? Что сыграло главную роль в их идентификации и аресте? Собственные промахи или блестящая работа детективов? Наш опросный протокол содержал тысячи вопросов, занимавших целых 57

---

² Создатель секты, совершившей в 1969 году целый ряд массовых убийств. Умер в тюрьме в 2017 году. (Прим. пер.)

³ Американский массовый убийца, умер в тюрьме в 1991 году. (Прим. пер.)

⁴ Американский сексуальный маньяк и серийный убийца, казнен в 1994 году. (Прим. пер.)

⁵ Американский серийный убийца, отбывает пожизненный срок наказания. (Прим. пер.)

страниц. Полученная от опрошенных информация дала уникальную возможность разобраться в устройстве сознания серийного убийцы.

К моему удивлению, выяснилось: с 1974 года ему до сих пор каким-то образом удается ускользать от ответственности, и на данный момент за ним числится семь зверских убийств.

Из того, что полиции удалось собрать на местах преступлений, было понятно: жертвы ВТК оказывались под полным контролем своего мучителя. Похоже, такое доминирование над другим человеком очень возбуждало его. Он связывал их с помощью шнура или чего угодно, что оказывалось под рукой. В качестве способа убийства предпочитал удавку или пластиковый пакет на голову. Обычно размещал трупы в позах, напоминающих обложки дешевых детективных журналов. Перед уходом с места преступления мастурбировал на тела жертв.

Я написал, что с целью поддержания связи с преступником полиции нужно использовать любую возможность публично потешить его самолюбие и продемонстрировать столь желанное для него уважение. С моей точки зрения, продолжение коммуникации давало правоохранителям максимум шансов на его задержание. Я понятия не имею, какие конкретные шаги предпринимали полицейские после ознакомления с моей аналитической запиской. Если бы я понадобился, они могли просто снять трубку и набрать мой номер.

В октябре 1984 года ко мне снова приехали полицейские из Уичито. С момента последнего по счету убийства ВТК прошло семь лет, а они по-прежнему не продвинулись ни на шаг в деле поимки этого извращенца.

Полицейское управление города сформировало опергруппу из восьми человек, получившую неофициальное название «Охотники за привидением». Давно находившийся на своем посту начальник полиции собирался на пенсию, но хотел раскрыть это дело до своего ухода. Он и собрал команду из шести первоклассных следователей, капитана и лейтенанта и приказал заново перелопатить всю архивную информацию: горы фотографий с места преступления, свидетельские показания, полицейские рапорты, отчеты о вскрытиях и даже аналитическую справку, написанную мной пять лет назад. Через три месяца работы они опять обратились за помощью в наш ОБ – им отчаянно не хотелось, чтобы расследование снова зашло в тупик. Спустя неделю после звонка в мой отдел с просьбой об оказании содействия в Академию прибыли два детектива из опергруппы, Пол Дотсон и Марк Ричардсон. С собой они привезли целую сумку новых фотоматериалов с места преступления, разнообразных отчетов и рапортов. Я встретил их в фойе здания отделения криминалистики, где располагался офис. На тот момент под моим руководством трудились шесть профайлеров.

В той аналитической записке 1979 года я особо подчеркнул, что непомерное самомнение ВТК в конце концов приведет его в западню.

– Пойдем в конференц-зал. Там ждут коллеги. Я хочу, чтобы вы познакомили нас с делом.

Пока Дотсон и Ричардсон раздавали жуткие фотографии и настраивали слайд-проектор, я рассказал о том, насколько далеко мы продвинулись в составлении психологических портретов преступников со времен визита их земляка и коллеги по убойному отделу. А затем на протяжении восьми часов они представляли фактуру дела – рассказывали о жертвах, посланиях убийцы, отчетах судмедэкспертов и районах, где были совершены преступления.

Я внимательно слушал, но по окончании оказалось, что у меня гораздо больше вопросов, чем ответов. Хотя меня и считали одним из ведущих специалистов страны по серийным убийцам, но ни с чем, подобным делу ВТК, я не сталкивался.

Минуло шесть лет с тех пор, как он обращался к полицейским с самовлюбленными письмами о своих злодеяниях. Как же этот охочий до славы психопат смог уйти в подполье на такое долгое время? Может, убивает до сих пор? Чего он хотел добиться от жертв? Почему не удастся его вычислить?

Пару дней я и четверо коллег переваривали полученную информацию. А затем мы снова надолго засели с детективами, чтобы подробнейшим образом изложить им выводы относительно ВТК, сделанные на основе ограниченной информации, которую те предоставили. Мы также поделились некоторыми соображениями на тему, какие активные мероприятия позволили бы разоблачить преступника.

Опергруппу «охотников за привидением» расформировали в 1987 году. Поскольку дело ВТК было одним из тысяч, которыми я занимался в те годы, так и не удалось узнать, что именно из нашего анализа использовали в расследовании. К сожалению, было ясно одно: на момент моего ухода из Бюро в 1995 году личность неопознанного подозреваемого (НП) из Уичито так и не установили. Может, он мертв? Или его посадили за другое преступление? Переехал в другой город? Или залег на дно по каким-то другим причинам?

Я уже начал думать, что никогда не получу ответов на эти вопросы, когда одним мартовским вечером 2004 года мне позвонил один из бывших коллег. В то время у нас жила старшая дочь Эрика, которая училась на курсах медсестер. Вторая дочь Лорен заканчивала третий курс юридического факультета, а 18-летний сын Джед готовился к выпускным экзаменам в средней школе. Семья закачивала ужинать, а я уже сидел в кабинете и разговаривал с жертвой изнасилования, связавшейся со мной через веб-сайт. И едва закончил разговор с плачущей, не оправившейся от потрясения женщиной, как опять зазвонил телефон.

– Он снова взялся за старое, – произнес голос на другом конце провода. Это был профайлер, которого я взял на работу в ФБР и обучил незадолго до своего ухода.

ВТК только что отправил в местную газету бандероль с фотографиями зверского убийства, совершенного им в 1991 году. Это известие одновременно взволновало и расстроило меня. Интуиция подсказывала: со временем он обязательно допустит промашку и попадет в руки полиции. При этом я понимал, что больше не являюсь сотрудником ФБР и поэтому могут пройти долгие годы, прежде чем удастся лично побеседовать с ним.

В последующие одиннадцать месяцев полиция Уичито использовала метод, впервые примененный мной в 1980-х при раскрытии убийства в Сан-Диего. Он подразумевал создание «суперкопа» – сотрудника правоохранительных органов, который будет выступать на пресс-конференциях с личными обращениями к НП. Таким образом, у преступника создается иллюзия взаимопонимания с полицейскими, он утрачивает бдительность и начинает рисковать так, как не стал бы никогда прежде.

Именно это и произошло в случае ВТК. Он расслабился. Ему стало казаться, будто он и полицейские в некотором смысле коллеги и товарищи. К тому же ошибочно посчитал, что сотрудники говорят ему исключительно правду, – на этом и прокололся.

Он работал в административной инспекции Уичито: выписывал жителям города штрафы за неподстриженные газоны или торговлю с рук без разрешения. И, как подтвердили наши худшие опасения, продолжал убивать. Количество его жертв достигло 10 человек.

Спустя полгода после ареста я внимательно следил за телевизионной трансляцией судебного заседания, где Рейдер спокойно и очень подробно рассказывал, кого убил и как. На самом деле меня интересовало не как, а *почему* он это делал.

Я не писал книг вот уже несколько лет – ждал, когда появится подходящий сюжет, на примере которого читателю можно будет объяснить, что творится в головах серийных убийц и как можно предотвратить их кровавые злодеяния. Наблюдая за Деннисом в суде, я ощутил: наконец-то на меня снизошло вдохновение. Подобные сюжеты подворачиваются лишь раз в жизни. ВТК был одним из самых первых встреченных мной серийных убийц, чья жажда лишать людей жизни заставила меня отправиться в путешествие к сердцу тьмы. Его преступная карьера практически совпадала по времени с периодом моей профессиональной деятельности. Он всегда присутствовал в ней, скрываясь где-то на задворках. И поэтому, когда появилась возможность свести все воедино, я очень обрадовался.

В феврале 2005 года полиция арестовала Денниса Рейдера – с виду обходительного семейного человека, отца двоих детей и прилежного прихожанина.

Несмотря на то что на протяжении многих лет я изучал и анализировал серийных убийц, Деннис Рейдер озадачивал меня. Что это за человек? Почему ему настолько важно убивать? Как может женатый мужчина, вырастивший двоих детей, быть в то же время столь безжалостным чудовищем и отвратительным сексуальным извращенцем? Почему он на долгие годы залегал на дно? Как получилось, что его избрали церковным старостой? Почему никто не догадывался об истинной сущности человека? Можно ли было сделать что-то, чтобы установить личность и арестовать его не спустя много лет, а быстрее? И почему в конце концов он выполз из своего логова, чтобы почти попасться?

Я позвонил литературному агенту Лизе Доусон, рассказал ей о деле ВТК, о своем участии в расследовании и о том, что попробую использовать связи в федеральных и местных правоохранительных органах, чтобы проинтервьюировать Рейдера в тюрьме. За пару недель она договорилась о публикации книги с издательством, и вскоре после этого я отправился странствовать по темным закоулкам извращенного сознания Денниса Рейдера.

В то время я и понятия не имел, насколько трудным окажется этот путь. Почти сразу же я столкнулся с таким количеством проблем, как личных, так и организационных, что стал терять надежду когда-либо получить ответы на свои вопросы. Очень скоро мой, казалось бы, идеальный сюжет превратился в самый изнурительный и обескураживающий из всех литературных опытов.

Тем не менее к моменту завершения трудов я оказался единственным автором, лично побеседовавшим с Рейдером. Отчасти потому, что и он сам захотел поговорить со мной. ВТК был отлично осведомлен и обо мне, и о моей работе, и ему не терпелось пообщаться на эту тему.

Как выяснилось, этот человек-оборотень прочитал многие из написанных мной книг. В опубликованной в 1998 году «Одержимости» обнаружил составленный мною психологический портрет ВТК. Судя по всему, описание показалось ему интересным, и спустя девять месяцев после ареста Рейдер написал своего рода критический отзыв о моей работе. Я ознакомился с ним в процессе подготовки данной книги, и это чтение было одновременно и увлекательным, и жутким.

Вы приступаете к чтению рассказа о тяжелом путешествии в глубины сознания одного из самых трудноуловимых американских серийных убийц.

Я сумел войти в его жизнь, понять взаимоотношения с людьми, увидеть окружающий мир его глазами. Помимо разговоров с его знакомыми, друзьями и другими людьми, с которыми пересекался Рейдер, я на протяжении целого года встречал много сотрудников правоохранительных органов, разыскивавших этого убийцу десятилетиями. Они показывали места событий – дом Денниса, рабочее место, помещения и улицы, подвалы, телефонные будки – и знакомили со всеми аспектами расследования преступлений, наводивших ужас на жителей Уичито.

Самым ценным было то, что мне представилась редкая возможность изучить горы вещественных доказательств, изъятых после ареста ВТК по месту его жительства и работы. Ничего подобного я прежде не видел. В тайниках хранилось невероятное количество шокирующих материалов – дневники, рисунки, полароидные снимки и собственноручно написанные рассказы о совершенных преступлениях.

Все это производило страшное, часто тошнотворное впечатление и позволило мне понять, насколько хладнокровен и расчетлив этот убийца.

В процессе подготовки книги я получил приглашение посетить темное царство его исковерканного и ужасающе бесчеловечного внутреннего мира.

Я специализируюсь на проникновении в головы чудовищ в человеческом обличье. Именно этим я ежедневно занимался в ФБР на протяжении 35 лет. Опыт работы в Бюро, равно как и нынешняя исследовательская деятельность, позволяют мне понять таких, как Рейдер, гораздо лучше, чем это когда-либо удастся им самим. В книге я применял все навыки криминалиста в совершенно новых разрезах, чтобы: 1. Рассказать, почему Рейдер начал убивать. 2. Поведать, как ему удавалось настолько успешно вести двойную жизнь. 3. Объяснить причины его ухода в тень на пике возможностей сеять ужас. 4. Раскрыть детали поимки и то, как полученный опыт может помочь выявлять серийных убийц прежде, чем они смогут стать следующими ВТК.

Если вы знакомы с моими предыдущими книгами, то знаете, что я пишу в первую очередь для просвещения и предупреждения. Я хочу, чтобы люди понимали: Рейдер и ему подобные не становятся такими в одночасье. Как он сообщил в нашей тюремной беседе, еще в очень юном возрасте у него появлялись навязчивые мысли о насилии. Мало того, осуществлять их он начал еще мальчиком.

В конечном счете случай Рейдера – шокирующий, но интересный опыт, позволивший мне познакомиться с совершенно новой для меня разновидностью убийцы. К слову, меня просто бесит, что он не получил высшую меру наказания и не будет казнен за чудовищные преступления.

Незадолго до казни Теда Банди⁶ в 1989 году группа ученых-бихевиористов обратилась ко мне с просьбой публично заявить, что его нужно исследовать, а не отправлять на электрический стул. Вряд ли их порадовал мой ответ: «Чтобы исследовать Теда Банди, понадобится от силы несколько дней. А потом пусть получает по заслугам».

Я глубоко убежден, что родители и учителя должны уметь распознавать определенные поведенческие «звоночки», предупреждающие о возможности появления опасной проблемы.

Я рад, что Деннис Рейдер дожил до нашей беседы и дал ответы на вопросы, которыми я впервые задался в далеком 1974 году. Но что будет с ним дальше, меня совершенно не волнует. Может, покончит с собой? Или его бессмысленную тоскливую жизнь оборвет кто-нибудь из сокамерников в надежде подняться повыше в тюремной иерархии?

Вне зависимости от участи Рейдера на страницах книги читателя ждут хроника его жизни, эксклюзивный рассказ о преступлениях и проникновение в глубины его сознания. Я уверен, вы найдете повествование об этом загадочном убийце одновременно пугающим и познавательным.

Сам же я ждал возможности поведать историю больше 30 лет.

---

⁶ Американский серийный убийца, насильник, похититель и некрофил, действовавший в 1970-е годы. (Прим. ред.)

Акт 1

Моя долгая охота на ВТК

1

Где-то в голове навсегда засело представление о том, как происходило такое убийство. Я видел это во сне.

Его руки сомкнулись на ее горле, упорно и безжалостно выдавливая остатки жизни. Сосуды глаз лопались от нарастающего внутричерепного давления, превращаясь в мелкие кровоизлияния, похожие на тусклые красно-желтые цветки.

Она никогда не помышляла о подобном конце. Да разве об этом думает хоть кто-то? А он продолжал сдавливать горло. Его руки достаточно сильны, чтобы помешать кровотоку в сонных артериях, вздувшихся по бокам шеи. Но чтобы пережать откачивающие из головного мозга кровь позвоночные артерии, ему требовалось особым образом развернуть ее голову. Поэтому он приподнял торс на пару сантиметров и продолжил. Дело подходило к концу, она чувствовала это. Из последних сил жертва попыталась дотянуться до его лица, чтобы расцарапать. Однако мужчина заранее предусмотрел такой вариант – ее руки и ноги были привязаны к деревянным стойкам кровати. Она бы и пальцем не смогла его тронуть.

Спустя несколько мгновений ее подъязычная кость треснула со звуком ломающейся ветки. Оставались считанные секунды. Обнаженное тело содрогнулось в предсмертном спазме, из ноздрей потекли струйки крови.

– Господи, – прошептал я, приподнялся на кровати и утер пот со лба. – Надо взять себя в руки.

Сердце бешено колотилось. На какое-то мгновение показалось, что это сердечный приступ, но затем я вновь увидел перед собой лицо задушенной женщины. Просто очередной проклятый ночной кошмар.

Это лицо – за последние пару лет я видел сотни таких. Почти каждую ночь они являлись во снах.

Примерно так выглядела моя жизнь на октябрь 1984 года. Последние пять лет я работал до полного истощения физических и моральных сил, создавая в ФБР элитное подразделение криминального профайлинга. Когда в 1970 году приступал к работе в Бюро, это направление считалось шаманством, о котором и говорить-то неприлично. Но в последующие полтора десятка лет я и несколько других упрямец-визионеров вроде Боба Ресслера и Роя Хэйзелвуда неустанно доказывали: психологическое портретирование может быть реальным и эффективным средством борьбы с преступностью. Ко мне и моим коллегам по отделу обращались зашедшие в тупик следователи изо всех уголков земного шара. Мы изучали места преступлений и создавали психологические портреты нарушителей закона, где описывали личностные особенности и прогнозировали следующие шаги.

Я был увлечен своей работой руководителя отдела сопровождения следственных действий (ОССД) и за эти годы погружался в тысячи самых зверских убийств и других насильственных преступлений против личности. Перелопачивал горы рапортов с мест происшествий и исследовал груды фото, от которых порой бывало физически плохо. Охотился за некоторыми самыми одиозными преступниками страны: Трейсландским убийцей из Сан-Франциско⁷, дето-

---

⁷ Речь о Дэвиде Джозефе Карпентере – американском серийном убийце. Он преследовал и убивал людей на пешеходных тропях в государственных парках близ Сан-Франциско, штат Калифорния. (Прим. ред.)

убийцей из Атланты⁸, Тайленольным отравителем в Чикаго⁹ и мужчиной, ради развлечения выбрасывавшим проституток в пустынную тундру на Аляске¹⁰.

Стараясь уяснить мотивы и мотивацию преступников, которых ловили, мы с коллегами лично встречались с десятками серийных убийц и наемных киллеров, в том числе с Чарльзом Мэнсоном, Сирханом Сирханом¹¹, Артуром Бремером¹², Ричардом Спеком, Джоном Уэйном Гейси, Дэвидом Сыном Сэма Берковицем и Джеймсом Эрлом Рэем¹³. Выводы, сделанные по результатам этих бесед, стали частью знакового научного труда о побудительных мотивах серийных убийц. Книжная версия опубликована в 1988 году под названием *Sexual Homicide: Patterns and Motives* [«Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы». М.: Бомбора, 2021].

До этого никто и не думал заниматься такого рода исследованиями в разрезе потребностей органов следствия. В данной области работали психологи, психиатры и специалисты органов условно-досрочного освобождения. Но я был убежден: люди с опытом полицейской работы способны гораздо лучше разобраться в мышлении заключенного уголовника, чем любые психиатры или психологи. У нас есть опыт и знания, которые невозможно получить в учебном заведении или почерпнуть из научной литературы. Мы способны слушать подозреваемого и при этом понимать, как устроено сознание преступника.

Вместо изучения истории болезни я знакомился с местом преступления, данными экспертизы и биографическими сведениями о жертве (так называемой виктимологией), чтобы попробовать понять, что за человек совершил такое преступление. Прописать следователям программу дальнейших действий можно, только получив ответы на свои вопросы.

За несколько лет наши труды помогли полиции раскрыть множество дел и изолировать от общества бесчисленное количество психически нездоровых и опасных людей. Однако это обошлось мне дорого. Я никогда не отказывал в просьбах помочь расследованию. И очень скоро количество дел в моем ведении стало просто непомерным, а сам я доработался до полного изнеможения.

В начале декабря 1983 года я находился в окрестностях Сиэтла, собирая материалы для создания психологического портрета серийного убийцы, и прямо в гостиничном номере свалился с вирусным энцефалитом. Неведомо для всех я пролежал на полу три дня в бессознательном состоянии с температурой выше 40 – на двери номера висела табличка «Не беспокоить».

Когда меня нашли, моя жизнь висела на волоске. Правое полушарие мозга потрескалось и кровоточило. Врачи сказали жене, что сотрясающая мой организм бешеная лихорадка несовместима с жизнью. Уже зарезервировали место на государственном кладбище в Куантико. Меня соборовал священник. Но каким-то образом я умудрился выжить. На протяжении недели родные, друзья и коллеги несли бессменную вахту в моей больничной палате, время от времени вставая у койки в круг для совместной молитвы об исцелении.

После выхода из комы левая сторона лица обвисла, речь была ужасно неразборчивой, а в легких и ногах образовались тромбы. От судорог мне давали несколько серьезных препара-

---

⁸ Уэйн Бертрам Уильямс – американский серийный убийца, в 1982 году обвинен в убийстве двух мужчин и приговорен к двум пожизненным заключениям. После приговора полиция Атланты сообщила, что Уильямс имеет отношение к убийствам более 30 детей, подростков и молодых мужчин, совершенным в 1979–1981 годах. До сих пор по этому делу ведутся споры, а сам Уэйн отбывает наказание. (Прим. ред.)

⁹ Дело 1982 года об отравленных цианистым калием в поддельных таблетках от головной боли «Тайленол». (Прим. ред.)

¹⁰ Имеется в виду Роберт Хансен – американский серийный убийца по прозвищу Мясник-пекарь. В период с 1971 по 1983 год похитил, изнасиловал и убил как минимум 17 женщин в г. Анкоридже, штат Аляска, и его окрестностях. (Прим. ред.)

¹¹ Убийца Роберта Ф. Кеннеди, с 1969 года отбывает пожизненный срок. (Прим. ред.)

¹² В 1972 году совершил покушение на кандидата в президенты Джорджа Уоллеса. (Прим. ред.)

¹³ Убийца Мартина Лютера Кинга. (Прим. ред.)

тов. После выписки я вернулся домой в Вирджинию, и организм начал постепенно восстанавливаться.

Однако достаточно скоро я почувствовал изменения в самом себе, что-то явно не в порядке. Из комы я вышел будто другим человеком и обнаружил, что смотрю на мир иначе. Окружающие ничего не замечали. Это было едва различимо, и сперва я практически не отдавал отчета в происходящем.

Каждый раз сцены зверских убийств: лица принадлежали людям, которых задушили, зарезали, застрелили, отравили или насмерть забили. Я знакомился со всеми только после их смерти.

Дело в том, что я начал отождествлять себя с жертвами. По-прежнему хотелось ловить чудовищ и упрягивать их за решетку. Однако мировосприятие стало меняться именно в силу новой склонности отождествлять себя с жертвами жестоких преступлений. Я смотрел на мир глазами людей, лишенных жизни. И через какое-то время научился инстинктивно сознавать ужас человека, которого убивают, избивают или насилуют.

Этому вряд ли стоило удивляться. Я являлся жертвой собственного обсессивно-компульсивного отношения к работе. Прошло несколько недель после возвращения домой из больницы, а я все еще чувствовал себя слабым и незащищенным. К тому же страшно переживал, что с Джоном Дугласом случилось нечто подобное. Всего лишь пару месяцев назад я был 38-летним мужчиной в отличной форме, здоровым как бык, целеустремленным, энергичным, с красавицей женой и двумя чудесными дочурками. Мне повезло – я создавал себе имя, занимаясь любимым делом, и ничто не могло меня остановить. По крайней мере мне так казалось.

К моменту, когда я проснулся от кошмара в ту холодную октябрьскую ночь 1984 года, моя физическая форма восстанавливалась. Слабость последних месяцев исчезла, и теперь я мог гулять, бегать и заниматься с гантелями.

Увы, того же нельзя сказать о моей психике. Как бы противно ни было, я признавал себя психологической развалиной. За несколько недель до этого сна я начал приезжать на государственное кладбище в Куантико, садиться у могилы, в которую меня должны были положить, и размышлять, кто занял мое место. Несмотря на все старания, не удавалось избавиться от злости на ФБР за то, что мне не оказывали необходимой поддержки в работе и за создание рабочей обстановки, где человеку нужно буквально грохнуться в обморок от усталости, чтобы кто-то пришел на помощь.

Моя работа во многом походила на труд врача – только все пациенты обычно попадали ко мне после того, как их убили или изнасиловали.

Я выполз из кровати, сунул ноги в тапки, спустился в кабинет и закрыл за собой дверь. Вчерашний день тянулся долго, а теперь превращался в очередную долгую бессонную ночь. Я рухнул в кожаное кресло и допил остатки вина, оставленного в бокале на рабочем столе. Возвращение к работе в Куантико произошло в минувшем апреле, и до сих пор я был весь на нервах, стараясь примириться с очевидным фактом неспособности моих мозгов работать как раньше.

Вчера во второй половине дня в штаб-квартиру ФБР прибыли двое детективов из полицейского управления Уичито. Они надеялись получить от меня ответы на некоторые вопросы после прочтения аналитической справки по ВТК, подготовленной мной в 1979 году. Они планировали обсудить, смогут ли наши новейшие наработки помочь им схватить этого отвратительного убийцу.

Следующие восемь часов мозг в автоматическом режиме впитывал все факты и данные, которыми сыпали детективы. Я понимал: это ненадолго, но мне все равно было приятно вспомнить себя прежнего.

Фактура по убийствам ВТК выглядела так:

В январе 1974 года он удавил 38-летнего Джозефа Отеро, его 34-летнюю жену Джулию и 9-летнего сына Джо. Полураздетый труп 11-летней Джозефины обнаружили подвешенным на водопроводной трубе в подвале дома. На ее ноге нашли большое количество спермы.

В октябре того же года в местную газету пришло письмо с подробным описанием убийства семьи Отеро. Анонимный автор утверждал, что совершил его именно он.

В марте 1977 года обнаружили задушенной 24-летнюю Ширли Виан. Она была связана по рукам и ногам. Убийца запер ее детей в ванной комнате. По всей вероятности, он собирался убить и их, но его спугнул зазвонивший телефон.

В декабре 1977 года ВТК связался с полицией и сообщил об очередном убийстве. 25-летнюю Нэнси Фокс нашли задушенной в собственной кровати. В следующем месяце отправил в местную газету письмо об этом убийстве, но письмо обнаружили только спустя две недели.

В феврале 1978 года прислал на местное телевидение очередное письмо с хвастливым описанием убийств Виан, Фокс и еще одной неназванной жертвы.

В апреле 1979 года подстерегал 63-летнюю женщину у нее в доме, но в конце концов ушел, не дождавшись возвращения хозяйки. Вскоре после этого отправил ей письмо, в котором проинформировал, что выбрал ее следующей жертвой, но решил не убивать, поскольку ему надоело дожидаться ее прихода.

Местные копы исчерпали все версии. Однако за пять лет, прошедших с моего предыдущего ознакомления с делом, следователи сумели установить связь с еще одним убийством. Через три месяца после гибели семьи Отеро, в апреле 1974 года, у себя дома была зарезана 24-летняя работница завода Кэтрин Брайт. Ее 19-летний брат получил от нападавшего две пули в голову, но выжил. Приехавшие ко мне детективы считали, что наличие дополнительного эпизода в деле ВТК, к тому же с выжившим свидетелем, может помочь установить личность подозреваемого.

Зная и само дело, и полицию Уичито, которую в кругах правоохранителей считали одной из самых прогрессивных в стране, я был уверен: следствие не халтурит. Однако преступник все еще на свободе, и это беспокоило всех.

Слушая их, я ощущал, как возвращаются целеустремленность и уверенность в себе.

Почему он перестал убивать? Что произошло? Такие вопросы задавал себе каждый из нас. Я интуитивно чувствовал: он по-прежнему там – просто стал призрак, и именно по этой причине созданная в июле 1984 года опергруппа при полицейском управлении Уичито получила название «Охотники за привидением». Я понял: единственный способ изловить это привидение – каким-то образом выкурить его из логова, придумать стратегию, способную выманить его на свет и заставить наконец-то показаться нам.

Я полазил по безнадежно захламленным ящикам письменного стола, пытаюсь найти психологический портрет, составленный еще в 1979 году. Безуспешно.

– Наверное, где-нибудь на работе, – буркнул я сам себе.

И тут на меня внезапно нахлынули воспоминания, как за три года до этого, в 1981 году, я использовал кейс ВТК, чтобы вытащить информацию из одного из самых печально знаменитых серийных убийц страны. Это происходило в комнате для допросов, спрятавшейся где-то в глубинах тюрьмы Аттика. Мы работали вместе с коллегой-профайлером Бобом Ресслером.

Дело было вечером, когда в стенах тюрьмы человек чувствует себя особенно одиноким. Мы приехали без предупреждения, чтобы попробовать экспромтом убедить Дэвида Сына Сэма Берковица поучаствовать в нашей научной работе по криминальному профайлингу. Формализованный опросный протокол, как я уже упоминал, занимал 57 страниц и включал в себя следующие вопросы: «В чем состоял мотив?», «Был ли некий внешний раздражитель, реакцией на который стала серия убийств?», «Как проходило детство?», «Как он выбирал жертв?»

«Приходил ли на могилы жертв?», «Насколько внимательно следил за освещением своих преступлений прессой?».

Берковиц отбывал третий год из назначенного ему 365-летнего срока. Ему не удалось убедить присяжных, что убить шестерых человек ему приказал черный лабрадор его соседа. Когда надзиратели привели мужчину в крошечную комнату допросов, он выглядел удивленным.

– А вы-то кто такие? – сразу спросил он.

Мы сидели за дальним концом крытого линолеумом стола – единственного предмета мебели в помещении. Как было заранее договорено, надзиратели моментально вышли, чтобы не дать Берковицу возможности послать нас куда подальше.

– Мы из ФБР, Дэвид, хотим с тобой побеседовать. Надеемся, ты сможешь нам помочь, – сказал я.

Тот резко развернулся, явно предполагая обратиться к надзирателям, но тех и след простыл. Он нехотя присел за стол.

– Как я всегда говорю: если хочешь научиться живописи, не надо читать книги о ней, – начал объяснять я. – Надо обратиться непосредственно к художнику. А в данном случае художник как раз ты, Дэвид.

Я, конечно, льстил, но старался не переусердствовать. Берковиц уставился на меня своими серо-голубыми глазами. Он не улыбнулся. Даже не моргнул. Лишь усиленно соображал, что бы потребовать взамен согласия побеседовать.

– Я буду разговаривать с начальником тюрьмы, – продолжил я, постаравшись опередить его вопрос. – Обещать ничего не могу. Но если согласишься поговорить с нами, обязательно скажу, как сильно ты помог.

Он легонько кивнул, глядя мимо нас на бетонную стену за нашими спинами. Времени было в обрез. Казалось, еще каких-нибудь тридцать секунд, и он потребует, чтобы надзиратели вернули его в камеру.

– А я-то здесь при чем? Я никакой не художник, – сказал он.

– Да ладно тебе скромничать, – рассмеялся я. – Ты знаменитость. Ты бесподобен. Ты держал в страхе весь Нью-Йорк. Пройдет сто лет, и моего имени никто не вспомнит. Зато все по-прежнему будут знать, кто такой Сын Сэма.

Берковиц внимательно слушал, только явно не слишком впечатлялся чушью, которую я втирал.

Проблема в том, что я делал это не совсем так, как ему нравилось. Я терял его. Он обернулся посмотреть, не вернулись ли надзиратели, но их, естественно, не было. Тогда Дэвид развернулся обратно и вперил в меня взгляд.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Неоновые лампы на потолке придавали зеленоватый оттенок бледному рыхлому лицу Берковица. В прошлом году кто-то из заключенных полоснул его бритвой по горлу. На шее остался длинный извилистый шрам от раны, мерцавший болезненно розовым цветом.

– А знаешь, тут в Канзасе есть один серийный убийца. Мужик взял на себя как минимум шесть трупов, и он тебя просто боготворит, – сказал я. – Упоминает тебя в письмах, которые пишет в полицию. Прямо мнит себя тобой. Даже хочет такое же имя.

Внезапно в его глазах вспыхнуло любопытство. На смену скучающему виду пришла самодовольная ухмылка.

– Он что, стебется надо мной? – спросил Дэвид, взглянув на моего коллегу.

– Это чистая правда, – спокойно ответил Ресслер.

– Он называет себя ВТК, – добавил я.

– ВТК? Что это означает? – спросил Берковиц.

– «Вяжи, пытай, убивай». Именно так он и поступает со своими жертвами.

Берковиц понимающе кивнул.

– А что, он еще на свободе? Вы, парни, не поймали его? – спросил он.

– Нет. Но обязательно поймаем, – ответил я.

Берковиц рассмеялся, и я, не торопясь, ознакомил его с преступлениями ВТК. Рассказал, что он убивает и потом исчезает на несколько лет кряду. Тот зачарованно слушал, силясь понять, каким образом у настолько кровожадного человека получается демонстрировать подобную выдержку. По его безотрывному взгляду стало понятно: он впитывает каждое слово. Казалось, Дэвид думал: «Как же этому парню удастся контролировать аппетит?» По сравнению с самим Берковицем, чей разгул террора продолжался неполных 13 месяцев, серийный убийца из Уичито был преступником с завидным запасом хода – истинным марафонцем кровопролития.

Как и всем убийцам, с которыми я беседовал, ему очень хотелось, чтобы его самолюбие потешили.

После рассказов о подвигах ВТК человек, которого мы собрались опрашивать, стал глиной в наших руках. В течение следующих пяти часов он провел нас по всем темным закоулкам своей жалкой жизни извращенца, посвящая в подробности, о которых никому прежде не рассказывал.

Признался, что выдумал всю эту чушь про демонов, чтобы в случае поимки сослаться на невменяемость. По окончании опроса мы с Ресслером чувствовали себя обалдевшими от свалившейся на нас удачи. И всем этим были обязаны чокнутому убийце из Уичито.

Часы на книжном шкафу в кабинете показывали 02:30 ночи. В спальне на втором этаже безмятежным сном спала жена. Наши малышки крепко спали в своих кроватках. В доме было так тихо, что даже в кабинете на первом этаже я мог слышать спокойное дыхание супруги. Своим ненавязчивым ритмом оно напоминало легкий морской прибой на пляжах Лонг-Айленда, где прошло мое детство.

Я завидовал миру в ее душе. А потом, на фоне мыслей о воображаемом прибое, вдруг ощутил нарастающее чувство зависти совершенно иного рода. Прямо как Берковиц, я задавался вопросом: «Как же ВТК и ему подобным удастся настолько просто переключаться с одного на другое?»

У него каким-то образом получалось не давать темной сущности выходить наружу и портить внешний образ. Мне страшно хотелось понять, как ему удается. «Когда эту сволочь поймут, наведаюсь к нему и заставлю все объяснить», – мысленно говорил себе я.

В портфеле лежали записи, сделанные накануне на совещании с детективами из Уичито, когда они подробно знакомили с делом моих профайлеров и нескольких ведущих криминалогов нашей организации. На этот раз они приехали не столько за психологическим портретом подозреваемого, сколько за рекомендациями по активным мероприятиям, способным помочь выманить убийцу из логова.

По итогам презентации у меня было только одно соображение. Полиции нужно организовать встречу с общественностью для обсуждения убийств ВТК. Идея в том, что туда наверняка захочет прийти подозреваемый. Из опыта охоты на серийных убийц я знал: для них характерно раздутое самомнение и чувство неодолимого превосходства, им бывает трудно удержаться от участия в подобных встречах. Следователи должны провести скрытое фотографирование аудитории и идентифицировать все автомобили, припаркованные у места ее проведения. Я был уверен, что убийца относится к полиции крайне равнодушно, и поэтому предложил объявить о регистрации потенциальных волонтеров «на случай, если в будущем полиции понадобится помощь». Единственным требованием к желающим должно быть наличие собственного транспортного средства и некоторых знаний в области правоохранительной деятельности.

К тому времени я уже пришел к выводу, что одной из причин его неуловимости было блестящее умение разделять жизнь – выглядеть совершенно нормальным внешне, сохраняя глубоко внутри второе «я» убийцы-извращенца.

Детективы из Уичито тщательно записали рекомендацию, но меня терзала мысль о необходимости сделать что-то еще, совершенно новое и оригинальное.

Я продолжал сидеть в кабинете, и перед моим мысленным взором то и дело возникали глаза Джозефины Отеро – 11-летней девочки из первого эпизода убийств ВТК. Той самой, которую он подвесил на трубе в подвале дома семьи Отеро, удавив перед этим ее родителей и младшего брата. Невозможно представить, какие муки претерпела эта невинная девочка, прежде чем умерла от асфиксии. Я уже потерял счет делам о детоубийствах, которыми занимался, но в этом было нечто особенное.

Этот маньяк представлялся мне совершенным нелюдем. Чудовищами были все, кого я ловил и изучал, но даже в худших из них обычно ощущалось нечто знакомое и человеческое. Какими бы кровавыми ни были деяния, я обнаруживал в них крупинки свойственных людям слабостей. Но с убийцей из Уичито все оказалось иначе. Стоило решить, что я изучил и классифицировал все разновидности зла, как явился этот извращенец. Единственный в своем роде.

Я вернулся наверх, забрался в постель и очень скоро почувствовал, что отключаюсь. Поэтому начал сопротивляться, стараясь остаться в странном состоянии между бодрствованием и сном. Иногда именно в подобные моменты у меня получалось извлечь из глубин сознания информацию, помогающую составить психологический портрет. Я ждал появления хотя бы крупинки данных о призраке, за которым охочусь, но ничего не выходило.

Спустя несколько минут веки невыносимо потяжелели. «Как этот человек стал тем, чем стал? И как я могу остановить его?» – мысленно прошептал я себе, проваливаясь в сон.

2

ЯОткрыв глаза, привычно потянулся к тумбочке за большим блокнотом. Много лет назад я научился видеть сны о делах, над которыми работал. Частенько бывало, что среди ночи, в полусонном состоянии, я лихорадочно нащупывал ручку и малопонятными каракулями записывал идеи, всплывшие из глубин подсознания. Жена Пэм ненавидела эту привычку, поскольку всегда просыпалась из-за моих шевелений.

проспал пару часов и проснулся еще до восхода солнца.

Но тем холодным осенним утром верхняя страница блокнота была совершенно чистой. Я включил ночник, просто чтобы убедиться, что это не обман зрения. Супруга тяжело вздохнула. Я выключил свет, оделся в темноте и поехал в офис в Куантико в 30 километрах от дома. Теперь ОБ располагался на первом этаже здания экспертно-криминалистической службы Бюро, что было явным улучшением по сравнению с подвалом библиотеки Академии ФБР. Плохо то, что по офису постоянно витали неприятные химические запахи из множества находящихся в здании лабораторий. В поисках более надежных и точных методов тестирования вещественных доказательств ученые каждый божий день экспериментировали с различными кислотами, йодистыми парами и порохом. Взрывы и обжигающий глаза дым – обычное дело. Равно как и вой пожарной сигнализации и общая эвакуация из здания.

Как всегда, я приехал первым в 6:30 утра. Для начала закрыл за собой дверь кабинета, чтобы никто не подумал, будто я уже на месте.

Приходилось постоянно конфликтовать с вышестоящими бюрократами, однако мои люди знали: ради них я готов на все. В промежутках между локальными пожарами я обычно находил для них несколько часов, чтобы помочь в работе или посочувствовать.

Был почти полдень, когда я начал рыться в шкафах в поисках психологического портрета ВТК, подготовленного в 1979 году. Копаясь в папках, я мысленно вернулся к осеннему дню 1974 года, когда впервые услышал о ВТК от двух детективов убийного отдела полицейского управления Милуоки. Хотя служебные обязанности этого не подразумевали, мне не терпелось поднабраться теоретического опыта в расследовании убийств. Тем же вечером я отправился в городскую библиотеку и отыскал все, что только можно, об этом неизвестном убийце из Уичито. И с удивлением отметил: новости о его убийствах почти не получили освещения в прессе за пределами Канзаса, и местные копы явно старались жестко ограничивать информацию о расследовании.

Спустя несколько месяцев я написал о ВТК в курсовой работе по психопатологии. В ней отмечал, что если другие массовые убийцы, например техасский снайпер Чарлз Уитмен¹⁴ или Ричард Спек из Чикаго, попадали в заголовки общенациональных газет, то убийство семьи Отеро почти не привлекло их внимания. Неожиданно для себя я усмотрел в этом параллель с профессиональными спортсменами, всегда желающими выступать на больших аренах Нью-Йорка, Чикаго или Лос-Анджелеса. Я предположил, что ВТК обижен недостаточным интересом прессы к его убийствам и разочарован, что живет в таком медийном захолустье.

В конце концов я извлек папку под заглавием «ВТК» из стопки аналогичных психологических портретов, подготовленных за последние несколько лет. Сам документ занимал три страницы, а в прикрепленном сопроводительном письме говорилось: «Качество прилагаемого анализа определяется качеством предоставленной исходной информации. Кроме того, может оказаться необходимым полностью переработать этот анализ, если появятся новые сведения –

---

¹⁴ В 1966 году расстреливал людей с крыши университетского здания, убив 16 человек и ранив 32. (Прим. пер.)

например, увеличится число жертв, будут получены новые вещественные доказательства или научные данные».

Я перекатился на кресле к рабочему столу и разложил эти три страницы. Начав чтение написанного мной несколько лет назад, я и сам будто вернулся в недалекое прошлое.

СЕРИЯ УБИЙСТВ. УИЧИТО. Убийства Душителя ВТК – результат воплощения его фантазий. А именно фантазий о том, что впервые в жизни он приобретает важное и доминирующее положение. Это неполноценная личность, ничтожество, приобретающее господствующее положение путем совершения преступлений. Теперь ВТК чувствует себя человеком, получающим запоздалое признание. На его неполноценность указывает то, что даже в своих преступлениях он неоригинален. Душитель подражает другим известным убийцам, например Сыну Сэма. Выражения, которые он использует (в письмах), по большей части позаимствованы из недавних публикаций в детективных журналах.

Ваш подозреваемый отрешен, одинок и замкнут в себе. По всей вероятности, не имеет каких-либо устойчивых связей с окружающими и ведет одинокий образ жизни, в котором преобладают упомянутые выше фантазии и магическое мышление. Его убийства являются попыткой обрести почет и уважение. Он боится всех, в том числе самого себя. Не следует ожидать, что у него были хоть сколько-нибудь удовлетворительные отношения с женщинами, возможно даже, он никогда не вступал в нормальную гетеросексуальную связь. Если не убивает, то испытывает сильную боязнь собственной «ненормальности»; отсюда идет на убийство, чтобы справиться со своим расстройством в попытке вырваться из плена фантазий. Таким образом, следует ожидать, что он снова будет убивать и делать это по сложившемуся шаблону. Жертвами могут становиться как мужчины, так и женщины, одновременно милые и коммуникабельные. Они оказываются в безвыходном положении, когда он делает их полностью беззащитными. Жертвы олицетворяют его собственную беспомощность и безнадежность. Его жизнь была непростой. Возможно, в биографии присутствовал распад семьи. Его растила деспотичная мать, непоследовательная в наказаниях. Он лишился отца в юном возрасте, возможно, из-за развода или в связи со смертью. Вполне вероятно, его растили приемные родители.

В школе подозреваемый был посредственным учеником. В то же время ему хорошо удавалось срывать уроки непристойными выходками и шутками. Манера изложения в заявлениях дает основание предположить, что у него есть опыт военной службы и/или он энтузиаст полицейской работы. Вероятно, в прошлом были проблемы с полицией, например, из-за драк и/или взломов и проникновений (ВиП). При наличии ВиП очевидно, что он прихватывал с собой предметы, не имеющие особой ценности. Делал это скорее из стремления получить фетишизируемый предмет одежды или удовольствие от совершения преступления с минимумом улик. Возможно, в прошлом ВТК занимался вуайеризмом и арестовывался за это. Своих жертв находит в районах, где можно тщательно рассматривать дома, не привлекая внимания. Кроме того, жертвы живут там, где есть простые пути отхода, например, парк, где можно спрятаться от полиции.

Убийства импульсивны и не спланированы тщательно. Он выбирает жертв произвольно. Нередко люди подобного типа хорошо разбираются в различных механизмах. Страдают бессонницей, и поэтому им бывает трудно удержаться на одной работе. Такому человеку крайне важно контролировать себя и свое окружение. Хотя уверенности в себе прибавляется, он все еще застенчив, углублен в себя, асоциален и обособлен. Обычно таких воспитывают крайне строго и религиозно.

В части стратегии противодействия не следует делать никаких заявлений относительно состояния психики убийцы. Другими словами, нельзя дать возможность СМИ налепить на него ярлык «убийцы-психопата». Если это уже сделали, в своей деятельности лучше всего ориентироваться на убийцу, а не на специалистов-психиатров. Любые пресс-релизы должны недву-

смысленно заявлять, что его нужно задержать и привлечь к ответственности, а не лечить, если пресса уже изображает так. Подобный подход может понизить тревожность убийцы относительно собственного психического здоровья и в то же время укрепит его чувство вины, не дав возможность оправдываться перед самим собой психической болезнью и невменяемостью.

Продолжительные периоды между убийствами могут объясняться его отсутствием в данной местности из-за военной службы, учебы, тюремного заключения или лечения в психиатрической больнице. Таким подозреваемым, как ваш, бывает свойственно посещать заведения, где отдыхают полицейские, чтобы подслушать разговоры об их деле. Более того, приходят на место преступления и наблюдают за работой следователей и сбором улик. Все это тешит их самолюбие и наполняет чувством собственного превосходства. Убийца может даже позвонить в полицию и предоставить информацию.

В данном случае вам на руку тот факт, что его подведет собственный избыточный эгоцентризм. Он может поделиться информацией о деле с приятелем или знакомым в пабе. Может даже изобразить из себя сотрудника, работающего по данному делу. Если Душителю ВТК читает детективные журналы, то, вероятно, заказал себе «полицейский значок», который носит с собой. Может использовать его для проникновения в дома жертв. Вероятно, «случайно» показывает его при любой возможности (например, оплачивая выпивку в пабе). В вашем городе его удерживает собственный эгоцентризм, и, вероятнее всего, он продолжит убивать.

Это чтение разбредило нервы. Разумеется, записка – лишь краткое изложение того, что я рассказал полицейским из Уичито в 1979-м в телефонном разговоре сразу после отправки материала по почте. Я был твердо убежден в точности описания, но при этом постоянно спрашивал себя, не упустил ли нечто важное и правильно ли расставил акценты. Бремя ответственности было колоссальным.

Подготовить аналитический материал, способный действительно помочь полиции решить их задачу, не так просто, как может показаться, и обучение этому занимает не один год. Говоря точнее, я считал молодых специалистов экспертами только после пяти лет всестороннего обучения и аналитической работы. Самое главное, нельзя просто механически повторить полицейским то, что те уже знают.

Мои психологические портреты крайне редко занимали больше пяти страниц текста. Я всегда заканчивал их просьбой связаться со мной, никогда не включая рекомендации по активным методам поимки преступников, – опасался, что написанное может просочиться в прессу.

Но в данном случае решил, что лучшим применением знаний будет разработка активных мероприятий по выманиванию убийцы на свет божий. Слишком давно он манипулировал полицией и общественностью. Настало время сделать ответный ход и начать морочить голову ему. Оставался единственный вопрос: *«Как же, черт побери, это сделать?»*

Я решил не обедать, собрал все заметки по делу и перешел в соседнее здание. Там работали правоведа Бюро, а я любил сидеть в их библиотеке на 4-м этаже и любоваться холмистым вирджинским пейзажем, открывающимся за огромным панорамным окном. Вид освещенных солнцем лесов куда лучше способствовал ясности мысли, чем неприятные запахи в здании отдела экспертно-криминалистической службы. На фоне голубого неба и деревьев за окном все выглядело несколько иначе.

Я жил расследованиями и терпеть не мог административные обязанности, неизбежно связанные с руководством подразделением, которое разрослось до 43 человек.

Я разобрал рапорты с места преступления и собственные развернутые комментарии по стопкам – по одной на каждое убийство. Я понимал: где-то в недрах скрыто некое вещественное доказательство или свидетельское показание, которое можно использовать для установления

личности подозреваемого. Просто перечислить соображения, которые я считал бы полезными для расследования, недостаточно. Меня охватило стремление найти действенный вариант, способный помочь полиции обезвредить маньяка. И прежде чем заняться поисками эффективной проактивной стратегии, нужно заставить мозг пропустить через себя все чудовищные подробности. Четыре стопки бумаг на столе напоминали запорошенные снегом свежеврытые могилы.

Первым делом я подумал, что копы из Уичито делали все правильно. Они опросили тысячи людей и проследили за бесчисленным множеством потенциальных подозреваемых (в том числе за бывшим полицейским). Ни один не оказался тем, кого искали. Последние четыре месяца недавно созданная в управлении опергруппа перелопачивала горы архивных документов по делу, знакомясь со всеми зигзагами расследования.

Совершенно очевидно: подозреваемый контролирует ход событий. И не только это – с каждым новым убийством он становился хитрее и явно наслаждался играми с полицией. Но самым озадачивающим в ВТК было то, что его поведение во многом не соответствовало нашим представлениям о серийных убийцах. Теперь мы знали о нем то, что не было известно в 1979-м, – спустя три месяца после убийства семьи Отеро он как-то неумело, можно сказать, подилетантски, расправился с Кэтрин Брайт.

Меня тяготила мысль, что если я направил расследование не туда, появятся новые трупы, и я буду косвенно виновен. Это одна из причин моей одержимости работой.

Чудом выживший, несмотря на два выстрела в голову, брат Кевин рассказал, что убийца сестры пытался убедить их, будто он беглый преступник. ВТК сообщил, что, разумеется, придется связать хозяев дома. На самом деле ему нужны только еда, деньги и ключи от машины. Получив все это, он отправится своей дорогой. Однако ВТК жил совсем рядом с Кэти и Кевином, вовсе не собираясь оставлять их в живых.

Показания уцелевшего свидетеля дали бесценные сведения на тему, как подозреваемый совершает преступления.

Это одержимый манией контроля педант, обычно приходивший к жертвам с веревками, кляпами, огнестрельным оружием и ножом. Он не применял силу, чтобы заставить людей соглашаться с его требованиями. Врал, выдавал себя за относительно безобидного уголовника и словесными манипуляциями добивался согласия на связывание. Обычно это не встречало сопротивления.

Но некоторые вещи мог пустить на самотек. Если намеченная жертва оказывалась по каким-то причинам недоступной, он выбирал самую подходящую из первых попавшихся. В некоторых случаях явно возникали проблемы с контролем над жертвами. И он не был самым аккуратным убийцей – в двух случаях оставил сперму рядом с трупами жертв.

Далее, его отличала специфическая манера оставлять тела. Ни с чем подобным я до этого не сталкивался. Размещенные в эротических позах, связанные, полуодетые трупы возбуждали его при мастурбации. За исключением погибшей от колотых ран Кэти Брайт, остальные будто выставлялись напоказ для полицейских, которые приезжали на место преступления спустя долгое время после ухода Душителя.

Он раскладывал жертв так, как флористы цветы. Хотел шокировать, но при этом визуализации были довольно сдержанными – по крайней мере, по сравнению с известными мне серийными убийцами-социопатами. На фоне маньяков, оставлявших отрезанные головы на телевизорах или распростертые на полу трупы с различными предметами в отверстиях тела, наш подозреваемый выглядел просто юным эротоманом. Тем не менее он использовал жертв как неодушевленный реквизит для изображения сцен из детективных журналов. Он не прятал их, поэтому первый же человек, вошедший в дом, буквально спотыкался о труп.

Вне всякого сомнения, ВТК был садистом, причинявшим невероятные страдания людям. Однако он отличался от других изученных мной садистов тем, что его сексуально возбуждали в первую очередь психологические, а не физические пытки. Его, так сказать, «фирменным стилем» было не столько причинение физических мучений, сколько полное порабощение. ВТК никогда не вводил жертвам половой член. Было бы очень просто интерпретировать это как попытку сказать: «Вы недостойны даже того, чтобы вас насиловать». Но я знал: это не так. Решение не насиловать и не заниматься некрофилией говорило, что, невзирая на сексуальные наваждения, в глубине души маньяк считал себя безнадежно неполноценным. Он настолько невысокого мнения о себе (и так сильно боялся женщин), что никак не мог заставить себя пойти на глубоко интимный контакт с жертвой. Единственным сексуальным удовольствием для него являлась мастурбация, а связанные, запятанные и убитые жертвы – не более, чем реквизит.

Его убийства трудно классифицировать, поскольку они были и организованными, и дезорганизованными одновременно.

Думая о юношеских годах подозреваемого, я не мог и вообразить, что, в отличие от многих других сексуальных маньяков, он хоть раз кого-то изнасиловал. Зато с легкостью представлял, как он овладел мастерством подсматривания за интимной жизнью других. Помимо всего прочего, юношеское увлечение научило его скрытно следить за окружающими. Наблюдение и изучение будущих жертв имело для него важнейшее значение. Возможно, возбуждало даже больше, чем сами преступления. К моменту нападения он знал, что собирается сделать, и был убежден, что уже контролирует все аспекты их существования.

Касательно самих жертв в издевательских посланиях полицейским ВТК сообщал, что выбирает их и планомерно, и повинуюсь воле случая. Когда его охватывало непреодолимое желание убивать, заранее намеченный человек должен быть на месте. Если нет, он переключался на кого-то другого.

Также, судя по отсутствию на месте преступления отпечатков пальцев и физических улик, это крайне педантичный и внимательный к деталям человек. Внутренне он ощущал себя неуверенным, ненавистным самому себе хлюпиком.

Однако внешне излучал такую напыщенность, что выглядел преисполненным самого высокого мнения о себе. Это еще одно из его безумных болезненных противоречий.

Он находил интересными послания, где хвалился удалью и умением ускользать от правоохранителей. По использованному языку было очевидно: он и заинтригован полицейской субкультурой и следственными действиями, и довольно хорошо знаком с ними. Я был убежден, что он либо служил кем-то вроде охранника или парковочного инспектора, либо просто возбуждался от мыслей, сколько власти приобрел бы с подобной работой.

Как это часто бывает с подобными типами, убийства стали главным делом его жизни, придающим смысл жалкому существованию. Из писем становилось понятно: это – ничтожество, в одночасье ощутившее себя знаменитостью благодаря чудовищным деяниям. Он приистрастился к чтению газетных статей о собственных преступлениях и к телепередачам о них. Я был уверен: разговоры посторонних о его убийствах приносили ему такое же наслаждение и удовлетворение, как сами преступления.

Все остальные просто попадались под руку. Я считал, что он питает к ним глубочайшую ненависть. Любые конфликты с противоположным полом или с обществом находили выход в убийствах. В извращенном сознании он не отвечал за свои поступки. Он явно был в какой-то депрессии и не мог ни любить, ни быть любимым. В результате приходилось постоянно искать источники возбуждения и переживаний, чтобы ощущать себя живым. И хотя получалось изображать приличного человека, мироощущение и внутренний мир не имели ничего общего с реальностью – основу составляли исключительно садистские фантазии.

По его собственному признанию, ВТК прихватывал из домов жертв разные мелочи на память. Он использовал их для распаления фантазий. Это «небольшое успокоительное», поэтому и была необходима коллекция трофеев с места преступления. Личные вещи жертв напоминали о «счастливых денечках». Я представлял, как он вновь переживает какое-то из убийств, держа в руках физическое напоминание. Каждое преступление вызывало в нем психологический подъем, который быстро угасал и оставлял его наедине с печальными мыслями. Трофеи и сувениры, несомненно, помогали не скатываться в депрессию. Хотя полностью избавиться от тревоги и подавленности не могли.

Хотя он лишал жизни и мужчин, и детей, очевидно: его главная цель – женщины.

Вопрос, который ставил в тупик меня и всех остальных: «Почему со времени его последнего по счету убийства прошло столько лет?» Я не понимал. Ломая над этим голову, я каждый раз придумывал очередное объяснение. Все выглядели разумно, но ни одно не имело подтверждения. Может, его взяли за какое-то другое преступление и сейчас он сидит в тюрьме или отправлен на принудительное лечение? Или на каком-то этапе расследования полиция подбралась слишком близко? Может, его даже допрашивали как подозреваемого, и данный опыт стал слишком тревожным для прежде невозмутимого социопата?

Уверенность была в одном – серийные сексуальные маньяки не способны в какой-то прекрасный день покончить с прошлым и начать жить с чистого листа. Конечно, он мог погибнуть в автокатастрофе, только интуиция подсказывала: мы так просто не отделаемся. Настолько больной и опасный человек, как ВТК, прекратит убивать, лишь умерев или попав за решетку. Опыт говорил, что это единственные способы обуздать подобных парней. Перевоспитание – чистая фикция.

Самым невыносимым оказалось интуитивное понимание: если ВТК жив, он снова начнет убивать. И где-то живет семья, чье будущее вот-вот превратится в кромешный ад. Те, кто видел отсутствующие взгляды и оцепеневшие лица родных только что убитого человека, знают: это зрелище останется с ними навсегда. Как и ВТК, который был со мной на протяжении всей службы в ФБР.

Я поступил в Бюро в 1970 году, за четыре года до первого убийства. 25-летнему агенту-новичку поручили работу на улицах бедных районов Детройта. Как и большинство молодых агентов (а я был в числе самых юных), я идеалистично полагал, что помогу сделать город безопаснее, отправляя плохих парней за решетку, а общественность будет аплодировать моим свершениям на этом благородном пути. Очень скоро стало понятно, как жители «моих» районов относятся к моему появлению на своей территории.

Эту часть города практически полностью разгромили в ходе расовых беспорядков 1967 года, унесших жизни 43 человек. Спустя три года эти места по-прежнему были пронизаны духом зоны боевых действий. Каждый раз, когда мы с напарником объезжали районы на служебной машине, местные встречали нас непристойными жестами и криками: «Долой легавых!»

Однажды в 1971 году я ехал накрывать подпольный игорный притон, задаваясь вопросом: «Ты и правда хочешь провести вот так следующие 25 лет службы?» Размышления прервала пустая бутылка, отскочившая от крыши машины и вдребезги разбившаяся об асфальт прямо под открытым боковым окном. Я дал по газам, ворча под нос, что останусь в ФБР, только если найду интересное занятие в области криминалистики и уйду в него с головой.

В 1972 году, вскоре после открытия Академии ФБР в Куантико, я узнал: некий агент по имени Говард Тетен пробует использовать психологическое портретирование для поимки опасных преступников. И я пошел по пути, приведшем меня в эту библиотеку, к этим стопкам бумаг на рабочем столе, рассказывающим об убийстве семерых человек в городе Уичито.

3

Я снова взглянул на полицейские рапорты, отчеты о вскрытиях, пожелтевшие газетные вырезки и черно-белые фото с места преступления и глубоко вздохнул. Затем взял верхний лист, поправил очки и начал читать.

Усвоенная информация сразу же начинала крутиться в голове в виде отдельных сцен. Будто смотришь телевизор, только большинство из происходящего перед внутренним взором – самый кошмарный фильм ужасов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.